

Не обещай себя другим

Автор:

[Кэрри Лонсдейл](#)

Не обещай себя другим

Кэрри Лонсдейл

Ян и Эйми женаты, в их жизни все отлично – Ян на пике карьеры фотографа, у него командировки по всему миру, а Эйми намерена расширить свое кафе. Но тут в город неожиданно возвращается Джеймс – бывший жених Эйми, с которым у нее связано слишком много воспоминаний. У Джеймса личное дело к Яну, в результате чего тот сталкивается с неожиданной проблемой – чтобы создать прочное будущее, ему придется разобраться со своим прошлым...

Кэрри Лонсдейл

Не обещай себя другим

© Лебедева Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Моим читателям:

Благодаря вам Ян обрел свою историю

#искренне_признательна

Глава 1

Ян

В жизни каждого мужчины была хотя бы одна женщина, под влиянием которой сформировался его характер. У меня таких женщин две. Одна обожает меня, а другая предпочла меня бросить. Но обе они оказали серьезнейшее влияние и на мою жизнь, и на мое занятие фотографией.

Из-за своей матери Сары я распрощался с мечтой стать когда-нибудь фотожурналистом. Ну о какой работе на Associated Press может идти речь, если ты не в состоянии запечатлеть на камеру человеческие страдания? А благодаря моей жене Эйми, открывшей мне глаза на более идиллическую сторону человеческих отношений, я перестал фотографировать только пейзажи и диких животных. На моих снимках появились люди, что позволило мне опубликоваться в таких журналах, как Discovery и Outside.

Невзирая на противоположный эффект, который произвели в моей жизни две эти женщины, и несмотря на душевную травму, направившую меня по пути, о котором я прежде и не мечтал, я все-таки стал тем, кем намеревался стать еще в юности, – признанным фотографом.

Ну а женщины... что ж, я люблю обеих.

Я убираю со стены последнюю фотографию из той серии, что висела в галерее у Венди Йи. Пора освободить место для выставки моего друга Эрика Ридли. Называется эта фотография «Синхронность». На ней я запечатлел aloitadore, испанского укротителя лошадей. Загорелый и мускулистый, устремляется он к табуну диких галисийских лошадей, плотно набившихся в cirro, небольшой деревенский загон. Сейчас для него не существует ничего, кроме желания вскочить на лошадь и подчинить ее своей воле.

Этот снимок я сделал прошлым летом на Rapa das bestas, старинном празднике «стрижки животных», который ежегодно проходит в северо-западных областях Испании. Венди описывает это фото потенциальным покупателям как завораживающий пример человека, пребывающего в полной синхронности с животным. Это один из снимков, предложенных мной в прошлом месяце National Geographic, я тогда узнал от Эрика, что журнал планирует выпустить серию снимков о празднике Rapa. Эрик познакомил меня с редактором журнала, Элом Фостером. Это с ним я только что беседовал по телефону. Эл принял мое предложение. Мои снимки опубликуют в следующем номере журнала – и один из них, если повезет, прямо на обложке.

Мечты сбываются.

Я ставлю «Синхронность» к стене, рядом с другими фотографиями. На время выставки Эрика им придется отправиться на склад.

– Все, это последняя, – сообщаю я Венди, которая сидит у себя за столом. Ее помощник, Брэкстон, все еще болен, поэтому Венди вынуждена была попросить меня помочь ей с выставкой – убрать мои фотографии и повесить снимки, сделанные Эриком.

Когда-то мы с Венди вместе учились в университете штата Аризона. Тогда же мы оба осознали, что не созданы для фотожурналистики. Венди обнаружила, что продажа фотографий удастся ей гораздо лучше самой съемки, ну а я все еще терзался внутренними сомнениями. К тому времени я успел поднатореть в пейзажной фотографии, которая не вызывала у меня никаких неприятных эмоций. А до того момента, когда водопад выбьет у меня из рук все мое оборудование, было еще далеко.

Венди отрывается от экрана компьютера.

– Вот еще один, – тычет она карандашом в сторону снимка, который я повесил в дальнем конце галереи. Это монохромная фотография, на которой изображен индонезийский пальмовый лес. На панорамном снимке отчетливо видны причудливые узоры, врезавшиеся в море деревьев. Прекрасный вид, скажете вы. И ошибетесь. Это следы безжалостной вырубki – леса уничтожают, чтобы получить как можно больше пальмового масла. Так указано на табличке, которую я по просьбе Венди повесил рядом со снимком. Человеческая алчность и

ее разрушительное воздействие на природную среду – вот что пытается донести до нас своими снимками Эрик. Неудивительно, что предстоящая выставка кажется более смелой и вызывающей, по сравнению с теми, которые уже проходили в галерее Венди.

– Экспозиция должна произвести впечатление, – заявляет Венди. – Я хочу, чтобы посетители оценили то опустошение, которое отражают работы Эрика. Однако нам нужен зрительный баланс. Думаю, стоит добавить больше цвета. – Она утыкается в экран, придирчиво изучая снимки. – Вот хороший кадр.

Венди щелкает мышкой по изображению, и на экране высвечивается снимок белого фермерского дома. Фото сделано с воздуха. Сам дом утопает в кукурузном поле, по которому инопланетными жучками расползлись комбайны. Зная Эрика, можно не сомневаться, что кукуруза здесь генно-модифицированная.

– Будь другом, замени вон тот монохромный снимок изображением фермы. После этого считай, что ты свободен.

– Да, мэ. – Шутливо отсалютовав Венди, я отправляюсь на склад, где нахожу нужное фото. Внезапно меня охватывает желание поскорее выбраться отсюда: в кафе меня ждет Эйми. Я с улыбкой принимаюсь за работу.

– Смотрю, ты в хорошем настроении. Приятные новости?

Улыбка на моем лице становится еще шире, но я решаю промолчать.

– Завтра скажу, – говорю я Венди. Первым делом надо порадовать Эйми. Она будет просто в восторге!

Я снимаю монохромный снимок, а в голове теснятся мысли о том, как бы нам отпраздновать мою удачу. Почему бы не организовать ужин в La Fondue? Parfait! Давненько мы не ужинали в ресторане. Пора уже вернуть нашу жизнь в то русло, по которому она текла до июня. Я размышляю о предстоящем вечере, и в голове мелькают самые заманчивые картины.

Хммм... Попрошу-ка я тестя с тещей, чтобы те оставили у себя на ночь нашу четырехлетнюю дочь, Сару Кэтрин.

Я отправляю сообщение своей теще, Кэтрин Тирни. Кэти сейчас у них. Надеюсь, они не откажут мне в этой маленькой просьбе. У меня большие планы на вечер. Планы, которые касаются только меня и Эйми.

Сунув в карман телефон, я начинаю вешать снимок с фермерским домом. При взгляде на него невольно уношусь мыслями в Айдахо, где я рос в таком же белом домике. Мой отец владел там землей, которую унаследовал от своего отца. Но отец никогда не работал на земле, только сдавал ее в аренду. Он редко бывал дома. Будучи спортивным фоторепортером, он все время разъезжал по стране, перемещаясь от одного матча к другому.

Наконец я убираю инструменты и снова подхожу к Венди. Эрик должен был заглянуть в галерею, но он, похоже, опаздывает. А мне хотелось перекинуться с ним парой слов, прежде чем я уйду.

– Когда собирался прийти Эрик?

– Он отменил встречу. – Пальцы Венди так и порхают над клавиатурой. – У него новое задание: снимает лесные пожары. Звонил недавно. Сказал, что расплатится с тобой пивом. А мне обещал бутылку шампанского.

– Не дай ему отвертеться.

Венди смотрит на меня снисходительно, будто я ляпнул бог весть какую глупость.

– В принципе, я была бы не против, если бы Эрик сам развесил свои фотографии. Но твоя работа нравится мне больше. Ты умеешь подать эти снимки. – Венди с прищуром смотрит на изображение фермерского дома. – Да, так гораздо лучше. Ну ладно, беги домой. А у меня тут как раз сделка назревает. – Она бросает взгляд через плечо.

Угол ее галереи отведен под снимки, которые выставлены на продажу. Молодая пара препирается там сейчас над фото, которое я сделал год назад в

национальном парке. На заднем фоне тихонько играет инструментальный джаз, но это не мешает нам слышать весь разговор. Мужчина утверждает, что именно это фото нравится ему больше всего. Его подруга – жена? – настаивает на том, что оно не подойдет по цвету к их новой гостиной, где все выполнено в голубовато-серых тонах.

– Покажи им «Ночной пейзаж», – говорю я Венди. Этот снимок я сделал в Сан-Франциско.

– Я уже думала об этом, – кивает она.

– Удачного тебе дня, – целую я ее в щеку. И добавляю шутливо: – В следующий раз я потребую плату за свою работу.

– Не я ли посылаю тебе каждый месяц чек на приличную сумму?

Венди права. Она умудряется продать едва ли не все фотографии, которые я ей присылаю.

Я выхожу на тепловатый октябрьский воздух. До кафе Эйми совсем недалеко, и я решаюсь пройти пешком. На пороге меня встречают запахи кофе, корицы и всевозможной выпечки. Я с наслаждением вдыхаю эти ароматы.

Постоянные посетители оглядываются на меня, но я игнорирую их взгляды. Точно так же пытаюсь я игнорировать картины маслом, развешанные на стене. Они втерлись в мои фотографии, как человек, привыкший пролезать без очереди. Нарисовал их бывший жених Эйми, Джеймс Донато.

В принципе, я вовсе не против этих картин. Висят, ну и пусть себе висят.

Впрочем...

Они бесят меня. Не просто раздражают, а бесят.

Нашему браку уже пять лет, а она так и не удосужилась снять их со стены.

По правде говоря, меня совершенно не беспокоило, что картины занимают самую видную стену в кафе, пока в июне этого года не объявился сам Джеймс Донато. Джеймс, страдающий так называемым раздвоением личности, вернулся с воспоминаниями о прежней Эйми, в потоке прежних эмоций. Но Эйми-то изменилась. Она приняла решение. Она предпочла Джеймсу меня.

Тут я вспоминаю, что они целовались.

Я определенно хочу убрать эти картины со стены, хотя и не решаюсь говорить об этом Эйми. Ей, похоже, нравится мазня Джеймса.

Жена довольна, и жизнь привольна...

Усилием воли я отрываю взгляд от картин и заставляю себя улыбнуться. Приветственно машу рукой Трише, которая работает сегодня за стойкой.

- А Эйми нет, - сообщает она.

Я застываю на месте.

- Где же она?

- Не знаю, - пожимает плечами Триша. - Ушла пару часов назад.

Я потираю костяшки пальцев и напряженно размышляю. Ладно, я позвоню Эйми и скажу, чтобы ждала меня дома.

- Если она все-таки вернется, передай, что я искал ее, - говорю я Трише и выхожу из кафе.

Не успеваю я подойти к машине, как раздается телефонный звонок. Эрик.

- Ты задолжал мне, - говорю я вместо приветствия.

- Ну, как оно выглядит?

– Впечатляюще. Никто лучше меня не управляется с гвоздями и молотком. Я только и мечтал о том, чтобы потратить полдня на развешивание твоих унылых снимков.

– Лучше уж ты, чем я, – смеется Эрик.

Мы познакомились несколько лет назад на одной из фотовыставок. В свое время Эрик работал фотографом в Associated Press. Ездил в места, где царила ужасающая бедность, где люди постоянно воевали друг с другом. И зрелище людских страданий не прошло для него бесследно. Эрик понял, что надо что-то менять, если он хочет сохранить рассудок да и просто жизнь. Он уволился и стал фрилансером. Меня всегда восхищали его навыки фотожурналиста, а Эрику нравились мои пейзажи и снимки диких животных. Неудивительно, что мы быстро подружились и начали помогать друг другу. Именно Эрику я звоню, если мне нужно посидеть за кружечкой пива в конце рабочего дня или размяться в спортзале, чтобы снять лишнее напряжение.

– Огромное тебе спасибо, приятель, – говорит Эрик. – За мной пиво.

– Пиво за тобой в течение всего месяца.

В трубке раздается приглушенный смешок.

– Я тут обнаружил, что это будет очень насыщенный месяц. Вряд ли мы сможем часто встречаться.

– Пытаешься увильнуть? – Я смотрю налево и перебегаю через дорогу. – Ты все еще на своем пожаре?

– Еду домой.

– Как там было?

– Ужасно. Выгорело все, что только можно. Люди остались без жилья. Я уже получил новый заказ. На следующей неделе мне предстоит съездить в национальный парк Йосемити. Один журнал готовит статью о том, как опасно разгуливать в окрестностях водопада Вернал. Ничего нового, но после того, как

те детишки сорвались с обрыва, все только и шумят о том, что надо бы ограничить число экскурсантов и сдвинуть ограждение на безопасное расстояние. Знаешь, кто будет писать текст? Риз Торн. Слышал о такой?

При одном звуке этого имени у меня невольно вырывается стон.

- Вот-вот, я тоже не в восторге. Она вроде училась вместе с тобой. Есть что-нибудь такое, что мне следует знать заранее?

- Да нет.

- Ты знаком с ней?

Неловкая пауза.

- Скажем так, я слышал о ней. Она любит истории, захватывающие дух. Читателям она нравится, и ее статьи часто называют в числе лучших...

- Однако?

Мне не хочется портить первое впечатление Эрика от Риз. Но раз уж его фотографии будут иллюстрировать ее статью, ему стоит понять, во что он ввязался.

- Видишь ли, в наш век, когда люди ставят мнение выше фактов, такие, как Риз, процветают.

- Ну да, мне говорили нечто похожее. Просто я думал, может, ты знаешь о ней что-то еще. В плане совместной работы. А то мне предстоит провести в ее компании пару дней.

- Я - пейзажный фотограф, а Риз - журналистка. Скорее уж она окажется на передовой линии с тобой, чем в какой-нибудь глуши со мной.

- Тоже верно, - смеется Эрик. - Кстати, о пейзажах. Я хочу остаться там на пару деньков, пофотографировать природу для своего портфолио. Не мог бы ты посмотреть потом эти снимки? У тебя острый глаз, и ты всегда можешь дать

парочку дельных советов.

– Само собой.

– Вот и хорошо. Ну, а ты как? Какие новости от Эла насчет этого испанского праздника?

– Давай я отвечу на этот вопрос попозже. – Я подхожу к машине и открываю дверцу.

– Это может означать только одно, но я повременю с поздравлениями. Хочу услышать все в подробностях.

– Конечно, услышишь. Как только купишь мне обещанное пиво.

– Парень, твоя алчность меня убивает.

– Ладно, дружище. Мне пора домой. Поболтаем позже.

Я усаживаюсь в машину и набираю номер Эйми. Меня тут же направляют на голосовую почту. «Эйми, детка, у меня замечательные новости. Перезвони мне». Подумав, я отправляю ей текст такого же содержания.

Добравшись до дома, я паркую машину перед одноэтажным зданием, построенным еще в середине прошлого века. Дом ужасно устарел и требует реконструкции. Но это наш собственный дом! Нам с Эйми пришлось продать свои квартиры, чтобы ежемесячные выплаты на ипотеку не пробили существенной дыры в наших доходах.

Это вложение стоило нам всех сбережений, пота, крови и отказа от родительских прав на нашего первенца. Шутка. Как бы то ни было, но теперь мы живем в одном районе с родителями Эйми. Для нашей дочки, Кэти, это несомненный плюс. Что касается меня, то моя мать давно сбежала, а с отцом мы не поддерживаем никаких отношений. И мне важно, чтобы моя дочка росла в окружении близких.

К тому же нашу финансовую ситуацию никак не назовешь плачевной. Эйми подыскивает местечко, чтобы открыть второе кафе, поскольку первое приносит ей стабильный доход. Мои снимки, вывешенные в галереях, раскупаются в два счета. Да и через Интернет удалось приобрести немало клиентов по всему миру. Мои фотографии выставлены в гостиницах и ресторанах пяти стран. Командировка от National Geographic станет вишенкой на торте моих успехов.

И это еще один повод порадоваться жизни.

Я захожу в дом и слышу сигнал телефона. Новое сообщение. Это от Кэтрин, моей тещи. К сообщению прикреплено видео кружащейся в танце Кэти. «Конечно, мы оставим ее на ночь. Приятного вам вечера!»

Эйми порадует. Вся ночь в нашем распоряжении. Мои мысли ныряют под одеяло в нашей спальне, и лицо расплывается в улыбке.

Кстати, об Эйми. Она так и не перезвонила. На нее это не похоже.

Нахмурившись, я потираю подбородок. Где же она? Если не ошибаюсь, на сегодня она не планировала никаких встреч. Или планировала? О чем она там болтала в половине пятого утра? Видимо, я что-то упустил. Эти ранние подъемы загонят меня в могилу. Не понимаю, как Эйми удастся вставать в такую рань пять дней в неделю. И все же я стараюсь начинать свой день вместе с ней. Есть что-то особенное в этих утренних мгновениях, когда чернота ночи растворяется в предрассветных сумерках.

Я снова набираю ее номер. И опять меня направляют на голосовую почту. Странно.

Где-то в сознании уже начинает клубиться беспокойство. Отогнав тревожные мысли, я иду в душ – ночь, как-никак, обещает быть горячей. Помывшись, проверяю телефон. Ничего. Ни звонка, ни сообщения. Я опять пытаюсь дозвониться, и опять мне предлагают оставить голосовое сообщение. Где же Эйми?

У меня прекрасные новости, которыми я просто жажду поделиться.

Я хочу поговорить со своей женой.

Я хочу, наконец, увидеть ее.

Образы мелькают перед моими глазами один за другим. Битое стекло, груды искореженного металла, врачи «Скорой помощи» с носилками... Я мысленно чертыхаюсь: даже не думай об этом! Но возможность потерять Эйми не дает отвлечься. Мысли по-прежнему движутся в этом направлении. В последние месяцы мне не раз приходилось задумываться о чем-то подобном.

Я звоню Кристен Гарнер, подружке Эйми. А вдруг она у нее?

- Привет, Ян, - пыхтит в трубку Кристен. Она беременна третьим ребенком, и все сроки уже прошли.

- Эйми у тебя? - Я не собираюсь ходить вокруг да около.

- Нет, ее здесь нет.

- Ты с ней давно разговаривала?

- Вчера, кажется. Что-то случилось?

- Ее не оказалось в кафе, хотя мы договаривались там встретиться. И она не отвечает на мои звонки.

- А когда ты в последний раз разговаривал с ней?

- Этим утром, во время завтрака. - Я бросаю взгляд на часы. Шесть вечера.

- Я уверена, с ней все в порядке. Может, увлеклась покупками. А телефон, скорее всего, разрядился.

Может, и так. Я разгуливаю по ванной в клубах пара, придерживая одной рукой полотенце.

– Возможно, ты права.

Хотя вряд ли. Эйми не из тех, кто игнорирует звонки или позволяет телефону полностью разрядиться.

Капельки воды блестят у меня на коже. Я промокаю грудь вафельным полотенцем. Воздух в ванной пропитан ароматами мыла и шампуня.

– Может, позвонить Наде? – предлагает Кристен.

– Не надо, я сам ей звякну.

После того, как оденусь. Мне так не терпелось сообщить Эйми свои новости, что я повел себя глупо. Наверняка с ней все в порядке. Она вот-вот позвонит или объявится.

Я звоню в ресторан и заказываю столик на двоих. На восемь тридцать.

Одевшись, я вновь пытаюсь дозвониться до Эйми. На этот раз гудки проходят. Мой телефон звонит и звонит, но без толку. Я смотрю на отправленные мной сообщения. Все они прочитаны.

И как вам это?

Я постукиваю телефоном по подбородку, стараясь не вчитываться в то, что так и сквозит между строк.

«Ладно, Коллинз, хватит притворяться. Ты прекрасно знаешь, что это означает».

Я всегда доверяю инстинктам, ведь без них не сделаешь по-настоящему качественной фотографии. И в данный момент инстинкты кричат мне, что здесь что-то явно не так.

«Что-то случилось?» – печатаю я. Затем стираю и набираю: «Ты в порядке?» К чему нагнетать страсти? Может, она просто устала. Я отправляю сообщение, и тут же под ним появляются три точки. Ответ Эйми приходит мгновением позже. Я смотрю на него, и в горле набухает комок.

«Нет».

Нет? Вот как?

Я жду, что последует какое-то объяснение. Что-то еще, кроме загадочного «нет».

Минута перетекает в минуту, но ничего нового я так и не получаю. Мои пальцы порхают над клавиатурой.

«Где ты?»

«Мне заехать за тобой?»

И, прежде чем я успеваю подумать, пальцы набирают еще один текст:

«Ты не ранена?»

Ответа нет. Я смотрю на экран, в надежде увидеть хоть слово. И тут меня осеняет.

Идиот.

Я запускаю приложение «Найти телефон» и практически сразу выясняю, что Эйми у своей подруги, Нади Джекобс. Неужели она была там все это время? Хочется верить, что так оно и есть.

Я звоню Наде, и она тут же берет трубку.

– Ян, – в ее голосе сквозит явное облегчение.

– Позови Эйми. Мне надо поговорить с ней.

– Минутку.

Я слышу приглушенный шум, стук двери. Я жду Эйми, но трубку снова берет Надя.

- Эйми...

- Где она? Почему ты не дала ей телефон?

- Она сказала, что уезжает. Встретится с тобой дома. Ян, только между нами, я тревожусь за нее. Давно уже я не видела ее в таком состоянии.

- В каком состоянии? Я не видел ее с самого утра. И я в полном недоумении. Она не хочет отвечать ни на звонки, ни на сообщения. Что с ней? Она в порядке?

- Физически - да. Но Джеймс сказал что-то такое, что ее ужасно расстроило. Не знаю, что именно, - она не хочет говорить.

- Кто сказал? - В голосе у меня тот же холод, который растекся по телу при упоминании этого имени.

- Так ты не в курсе? Джеймс. Он снова вернулся.

Глава 2

Ян

Итак, Джеймс вернулся.

Неужели этот парень не может держаться подальше от моей семьи?

Я раздраженно хмурюсь.

- Она с ним встречалась?

Так уже было в июне, когда Джеймс ненадолго приезжал в Калифорнию.

- Да, - говорит Надя, и я с подкосившимися ногами опускаюсь на край дивана.

Воссоединение Эйми с ее бывшим висело дамокловым мечом с тех самых пор, как пять лет назад мы вернулись из Мексики. Это там мы обнаружили Джеймса - живого и невредимого, но страдающего от болезни, которую еще называют раздвоением личности. В июне произошла новая встреча. Эйми объяснила, что виделась с Джеймсом лишь для того, чтобы наконец попрощаться. Я полагал, что распрощались они навсегда.

Как оказалось, я ошибался.

В то время я был в Испании. Я уже давно грезил об этом путешествии - с тех самых пор, как Эрик рассказал мне о местных праздниках и обычаях. Приземлившись, я сразу позвонил Эйми. Голос у нее был какой-то напряженный, но Эйми списала все на усталость. Нечто похожее повторялось с каждым звонком. Эйми казалась вялой, даже поникшей. Она делала вид, что все в порядке, но я-то знал, что она что-то скрывает от меня.

Через две недели я вернулся домой. Уже вечером, когда я уложил Кэти в кровать, Эйми позвала меня на кухню. На столе стояла бутылка водки и две рюмки. Явный признак того, что разговор будет нелегким.

- Что происходит? - с опаской поинтересовался я.

- Я виделась с Джеймсом.

И она рассказала мне все без утайки.

Мы знали о том, что болезнь отпустила Джеймса еще в декабре и он снова стал собой. Мы узнали об этом от Кристен, поскольку Джеймс сразу позвонил Нику, мужу Кристен и своему лучшему другу. Понимали мы и то, что рано или поздно он вернется домой. Вопрос был лишь в том, когда это произойдет.

Что ж, я получил ответ за рюмкой водки. Джеймс прибыл за день до того, как я улетел в Испанию. Эйми подбросила меня до аэропорта, а затем поехала к дому

Джеймса. Встречаться с ним она не собиралась, но ее будто влекло к этому месту. Внезапно к ее автомобилю подошел Джеймс. Он постучал в окно, и Эйми пустила его в машину.

- Ты любишь его? - спросил я.

- Нет. Во всяком случае, это не те чувства, которые что-то значат.

- Тогда какие же значат? Скажи мне, Эйми. Я-то всегда считал, что любовь - это любовь. - Я разрешил своему гневу прорваться. Пусть поймет, насколько меня задело то, что она поцеловала его. И не просто поцеловала - позволила себе вдоволь пообниматься с ним.

- Я не влюблена в него.

Я чувствовал, как леденеет мой взгляд, хотя Эйми выглядела до того несчастной, что ее стоило пожалеть. Трясущейся рукой она потянулась за бутылкой, но оттолкнула ее от себя.

Наконец, собравшись с духом, я спросил:

- Ты хочешь быть с Джеймсом?

- Нет, - взглянула она на меня с явным ужасом. - Нет, - повторила она с большей силой. - Я люблю тебя, Ян. Ты - тот человек, в которого я влюблена. Прости, что я встретила с Джеймсом. Я вовсе не думала, что ситуация выйдет из-под контроля. Мне остается лишь просить у тебя прощения. Сможешь ты когда-нибудь простить меня?

Я налил себе водки, затем еще.

Эйми молча наблюдала, как я опрокидываю в себя рюмку за рюмкой.

- Скажи что-нибудь, - прошептала наконец Эйми.

Я только покачал головой.

- Пока что, думаю, мне лучше помолчать.

Извинившись, я ушел к себе в кабинет. Мне требовалось время, чтобы разобраться во всем. Так, по крайней мере, я сказал себе. Я должен был убедиться, что Эйми действительно любит меня и не хочет уйти к другому. На самом деле мне не требовалось никаких доказательств. Я знал, что Эйми меня любит, как знал и то, что она никогда не бросит меня. Что касается прощения, то я давно уже простил ее. Еще до того, как Джеймс вернулся в город. Вот как сильно я любил ее. И все же мне было больно. Очень больно.

На следующий день мы снова говорили о случившемся. И потом тоже. Постепенно нам удалось вернуться в привычный ритм жизни. Мы пережили возвращение Джеймса. Мы смогли сохранить свой брак. По крайней мере, я так думал.

- Я еду к тебе. Скажи Эйми, пусть подождет меня.

Что бы там Джеймс ни сказал ей, что бы он с ней ни сделал, мне важно было узнать о случившемся прямо сейчас. Не через пару часов. Не ночью. И уж тем более не утром. Потому что в прошлый раз, когда Джеймс был в городе, он поцеловал мою жену.

К черту. Это был не просто поцелуй. Это были страстные объятия, которые запросто могли вылиться в нечто большее, если бы только Эйми это допустила. Если бы сказала ему да.

Но она не сказала.

Слава богу, Эйми к нему не вернулась. Слава богу, Джеймс уехал на Гавайи.

Тогда почему он снова здесь? И что ему нужно от Эйми?

От моей жены.

Мысль эта крутится в моем сознании, пока я заканчиваю говорить с Надей и хватаю ключи от машины. Мысль о том, что могло случиться между Эйми и Джеймсом, не позволяет мне расслабиться, пока я мчусь к дому Нади, который

находится в пригороде Сан-Хосе.

Я набираю код подземного гаража и ставлю машину на гостевое место. Минута, и я уже стучу в дверь. Надя открывает сразу, словно ждала меня по другую сторону. Она улыбается и покачивает головой. Такое чувство, будто она мысленно желает мне удачи. Сердце бешено колотится у меня в груди.

Любой мужчина, какой бы ориентации он ни был, ни за что не остался бы равнодушным при виде Нади с ее огненно-рыжими волосами, нефритовыми глазами и удивительной лепкой лица. Именно эту красоту я и попытался отобразить в серии фотографий, которые сделал пару лет назад. Я подчеркнул зелень глаз и рыжеватый оттенок волос, и теперь эти портреты украшают дальнюю стену ее гостиной.

Но сейчас я не замечаю эти яркие пятна на стене, как не замечаю ничего вокруг. Мой взор прикован к Эйми, которая стоит у окна. Крепко обняв себя обеими руками, она смотрит на улицу, будто пытаюсь разглядеть там что-то важное. Свет, падающий из окна, озаряет влажные полоски на ее щеках.

По моему телу пробегает волна облегчения. Эйми здесь, она жива и здорова. Я чувствую непреодолимое желание подойти к ней, обнять. Ощутить, что она по-прежнему моя.

Надя прикрывает за мной входную дверь.

– Давно она здесь? – спрашиваю я.

– Пришла минут за десять до твоего звонка. Я только-только вернулась с работы.

Не так уж давно. Стало быть, в обществе Джеймса Эйми провела полтора часа. Все то время, что я пытался дозвониться до нее.

Я сглатываю. Многое может произойти за девяносто минут.

– Она тебе что-нибудь сказала?

– Ничего. Обронила лишь, что хочет прийти в себя, прежде чем ехать к родителям за Кэти. Я так думаю, ей не хочется возвращаться домой в таком состоянии.

В таком состоянии? Неужели она поняла, что все еще любит Джеймса, и теперь боится сказать мне об этом?

К горлу подкатывает тошнота.

Что такого сказал ей Джеймс? Что он с ней сделал? Я встречался с этим парнем пару раз, когда он был Карлосом, но Джеймса я не знаю. Не знаю, на что он способен.

Надя щелкает выключателем, отчего сумерки растекаются по углам. Эйми мигает от яркого света и оттирает щеки тыльной стороной ладони. Ей известно, что я здесь. Наверняка она слышала, как я стучал в дверь. Но она не спешит ко мне. Продолжает молча смотреть в окно.

Надя ободряюще касается моего плеча.

– Я буду на кухне.

Я киваю и направляюсь к Эйми. Та оборачивается при звуке моих шагов и поднимает руку, словно умоляя не подходить ближе. У меня по спине пробегает холодок. Я замираю рядом с кофейным столиком. Он завален книгами и журналами, между которыми примостились горшочки с кактусами. Возле столика – корзина с чистым бельем. В этой изысканной гостиной она выглядит как-то неуместно.

– Я просто хочу знать, что с тобой все в порядке. Я здорово поволновался.

Эйми бросает взгляд в сторону кухни, куда только что ушла Надя.

– Не хочу говорить об этом здесь.

Я протягиваю руку.

– Идем, я отвезу тебя домой.

Мне не хочется выпускать ее из вида ни на минуту.

Но Эйми лишь качает головой.

– Я пока не готова. Ты поезжай. Встретимся дома.

– Я не уеду, пока не узнаю, что случилось, – вырывается у меня. – После того, что произошло этим летом, я имею право...

– Ян, прошу тебя. – В отчаянии она хватает из корзины клубок, в который свернуты носки. Такое чувство, что она вот-вот швырнет им в меня. Но плечи у нее поникают, клубок падает из рук. Она выглядит такой печальной, что у меня переворачивается сердце.

– Поговорим позже, – качает головой Эйми. – Пока что... мне надо все осмыслить.

Что осмыслить?

– Эйми...

Меня убивает эта неопределенность. «Только не говори мне, что ты все еще любишь его».

По ее щеке стекает слезинка. Забыв всякую осторожность, я шагаю вперед и прижимаю Эйми к груди. Она каменеет, еще больше замыкается в себе. Но я продолжаю обнимать ее, продолжаю нашептывать, как я сильно люблю ее, и вот уже она сама прижимается ко мне... и плачет, не таясь.

Я легонько покачиваю ее в своих объятиях.

– Детка, ты должна помочь мне. Я не смогу справиться с проблемой, пока не пойму, что не так.

Эйми крепко обнимает меня за талию. Лицо она прячет у меня на груди, и я не могу понять, что она сейчас чувствует.

- Скажи мне, почему ты так расстроилась?

- Я не расстроена. Я зла. По крайней мере, злилась до прихода сюда.

- Ты сердишься на меня?

- Нет, на себя. Ненавижу себя всей душой. - Эйми высвобождается из моих объятий и вновь поворачивается к окну.

- Детка. - Я встаю рядом и разглядываю ее профиль. На носу у Эйми россыпь еле заметных веснушек. Они как крошки шоколада на пенистом латте. Я легонько провожу пальцем по ее волосам.

- Почему ты сердишься на себя? - спрашиваю я, стараясь сдерживать эмоции.

Эйми смахивает с лица слезы. Мне очень хочется обнять ее. Не люблю, когда она вот так замыкается в себе. Плечи опущены, будто на нее давит какой-то груз.

Вообще-то мы стараемся не утаивать ничего друг от друга, и у нас на это веские причины. Достаточно вспомнить мое беспокойное детство и те проблемы, в которые вляпалась Эйми благодаря семейке Донато. Мы сразу договорились, что будем обсуждать больные темы, какими бы неприятными они ни казались. Это касается и отношений Эйми с Джеймсом, как бы мне ни хотелось выкинуть этого парня из головы. Сам я не видел от Джеймса ничего плохого, но меня трясет от злости, стоит вспомнить о том, как он обращался с Эйми. Я уже не говорю про ту психологическую ловушку, в которую она угодила благодаря брату Джеймса, Томасу Донато.

Вот и толкуй тут о незадавшихся семейных отношениях. Я-то думал, это мои родители утонули в проблемах. Испортили, так сказать, наш семейный пирог. Джеймс и его братцы заняли целую булочную в супермаркете облажавшихся семей.

Эйми переводит дыхание.

– Все было в порядке, пока мы с ним разговаривали. Мы просто говорили, и все. Джеймс рассказывал мне про своих сыновей, про то, как им живется на Гавайи. Я знаю, как сильно я задела тебя... нас обоих... той встречей с Джеймсом. И я поклялась себе, что ни за что не стану больше встречаться с ним. Но он позвонил мне. Джеймс пытается разгрести свое прошлое, чтобы хоть как-то привести в порядок то, что осталось от его жизни. И он решил, что должен извиниться передо мной. Он сказал, что я заслужила извинений после всего, во что он меня втянул. И я встретила с ним. Все было хорошо, пока мы говорили. А вот потом... Я снова распахнулась, разнервничалась и в конце концов разозлилась на себя. Мне-то казалось, я давно покончила с этой темой... после всех сеансов у психотерапевта. – Наконец-то она смотрит на меня и виновато улыбается.

– Эйми, – шепчу я и провожу пальцем по ее щеке. На большее я пока не решаюсь.

– В общем, – машет она рукой, – у меня началось что-то вроде истерики. Я плакала и плакала, никак не могла остановиться. Я ездила по городу в надежде успокоиться. Не хотела пугать родителей и Кэти. А когда мне это не удалось, я оказалась тут. Я знала, если я приеду домой в таком состоянии, мне не удастся внятно объяснить, почему я отправилась на встречу с Джеймсом. А мне не хотелось, чтобы ты спешил с выводами.

Я слушаю Эйми, а в душе вскипают горечь и злость. Горечь из-за того, что она не решилась довериться мне. И злость на Джеймса, который довел ее до такого состояния.

– Одна встреча, и я уже так распереживалась. Все эти эмоции напомнили мне о том, какой я была в пору наших отношений с Джеймсом.

– И какой же?

– Наивной и незрелой. И слишком доверчивой. Верила на слово там, где стоило бы усомниться.

Я обожаю ту доверчивую Эйми, какой она была когда-то. Но еще больше я люблю ту женщину, какой она стала после замужества. Сильной, пылкой, уверенной в себе. Лучшей матери для Кэти я и пожелать бы не мог. А для меня это очень важно.

Но не это меня сейчас тревожит. Все та же мысль продолжает крутиться у меня в голове: а вдруг Эйми поняла, что все еще любит Джеймса? Несмотря на все ее заверения, я никак не могу отделаться от терзающих душу сомнений.

- Вы часто виделись с ним после той июньской встречи?

- Что? - Эйми смотрит на меня с откровенным недоумением. Я выжидательно вскидываю бровь.

- Сегодня. Других встреч не было.

- Сколько времени вы провели вместе? Когда он тебе позвонил?

- Господи, Ян.

В шейкере звенят кубики льда.

- Кому коктейль? - окликает нас из кухни Надя.

- Нет, спасибо. - Я не свожу глаз с лица Эйми.

- Я выпью. - Эйми окидывает меня холодным взглядом. - Я же сказала тебе, что не хочу обсуждать это здесь.

Она решительно направляется к барной стойке.

Резко выдохнув, я шагаю следом за Эйми на кухню.

Надя подвигает ей мартини со льдом. Убрав оливку, Эйми одним глотком опрокидывает в себя напиток. Затем, заметив, что я не пью, тянется к моему бокалу.

- Похоже, кого-то мучает жажда. Твое здоровье. - Надя поднимает свой бокал. Сделав пару маленьких глотков, она бросает взгляд в сторону микроволновой печи.

- Если хотите, я закажу что-нибудь из закуски.

- Нет, спасибо. У нас планы на ужин. - Облокотившись о стойку, я наблюдаю за тем, как Эйми поглощает мой коктейль. К счастью, чуть медленнее, чем первый.

- Я не голодна. - Эйми отодвигает от себя пустой бокал.

- Ну, как хотите. - Надя встряхивает шейкер. - Еще стаканчик?

Эйми снова качает головой.

- Думаю, нам пора домой. - Схватив сумочку, она направляется к входной двери.

Я вздыхаю. Похоже, мне не остается ничего другого, как только откланяться.

- Машину поведу я, - говорю я и потираю переносицу. Надо запастись терпением. Оно мне сегодня пригодится, иначе я снова могу ляпнуть что-то такое, что выведет Эйми из себя.

- Спасибо, - говорю я Наде. - За ее машиной мы заедем завтра.

- Можете не спешить. - Она сжимает мою руку. - Ян, ты сейчас нужен Эйми. Я же вижу, ей тяжело.

Нам обоим тяжело.

- Знаю, - говорю я вслух. - Спасибо.

Я подхожу к Эйми.

- Ну что, поедем домой?

Похоже, мне так и не придется отпраздновать свою чудесную новость.

На лифте мы спускаемся в подземную парковку. Спускаемся молча, не глядя друг на друга. Хотелось бы мне как следует разозлиться на Эйми! Или на

Джеймса, который снова встречался с моей женой. Но единственное, что я чувствую в душе, – сострадание к этому парню. Вот это-то и бесит меня больше всего.

Я прекрасно понимаю то ощущение смятения и дезориентации, в котором находится сейчас Джеймс. Понимаю его потребность быть рядом с Эйми, которую он всегда любил. Для него не существует того промежутка, который отделяет его прошлое от настоящего. Ему-то кажется, что он расстался с Эйми только вчера.

Я провел все свое детство в схожем бедламе. Не самое приятное местечко, скажу я вам!

Мы заходим в гараж, и я роюсь в кармане в поисках ключей от машины. Одно неловкое движение, и они падают на пол.

– Надо еще заехать к родителям, забрать Кэти, – говорит Эйми, которой ничего не известно о моих планах на ужин. В любом случае ресторан, похоже, отменяется.

– Знаю, – сухо бросаю я и открываю машину. Распахиваю для Эйми дверцу, и она забирается на сиденье, бросив на меня опасливый взгляд. Я наскребаю остатки спокойствия и иду к своему месту.

Глава 3

Ян в возрасте девяти лет

Дождавшись, пока школьный автобус исчезнет за поворотом, Ян зашагал к белому фермерскому дому, в котором прожил все свои девять лет. На обочине подъездной дороги он увидел серебристый «Понтиак» мамы.

Плечи Яна расправились, и он с облегчением выдохнул. Ну вот, она вернулась. Во всяком случае, он надеялся, что это его мать, Сара, а не Джеки, другая ее

половинка.

Сколько Ян себя помнил, мама всегда отличалась перепадами настроений. Ей ничего не стоило забыть, что она делала вчера, а то и минутой раньше. Яну приходилось все время напоминать ей. В такие моменты она ошеломленно смотрела на сына широко распахнутыми глазами, как это делают несмышленные дети.

Лишь год назад отец попытался объяснить Яну странное, а то и вовсе причудливое поведение мамы. Она где-то пропадала два дня и вернулась домой с резаной раной на щеке и подбитым глазом. Одежда была грязная и порванная. При этом мама совершенно не помнила, что она делала в эти сорок восемь часов. Ей хотелось только одного – принять горячий душ и рухнуть в постель, но отец настоял на том, чтобы отвезти ее в больницу. Домой ее выписали через три дня, со швами на щеке и диагнозом. Синдром множественной личности.

Ян не очень-то понял, что это такое и почему мама заболела. Он лишь уяснил, что внутри мамы жили другие люди. Доктор говорил об одной такой личности, Джеки. Но он предупредил, что могут быть и другие. Ян пока не замечал их присутствия, зато о Джеки они с отцом знали очень даже хорошо. Она начала появляться еще с рождения Яна.

Доктор направил маму к психиатру и выписал ей таблетки – антидепрессанты и стабилизаторы настроения. Но мама сразу заявила отцу, что не желает принимать их. Ей не нравилось, что ее пытаются контролировать. У психиатра она тоже бывала редко, а отец так часто отлучался из дома, что не мог настоять на этих визитах.

Муха опустилась Яну на локоть. Стряхнув назойливое насекомое, Ян открыл почтовый ящик и достал стопку счетов с надписью ЗАДОЛЖЕННОСТЬ. Здесь же лежали каталоги вышивок. Сунув все это в свой рюкзак, он медленно побрел к дому. Теплый ветер взъерошил его волосы, растрепал челку. Ян потрянул головой и скрестил пальцы на обеих руках.

Пусть это будет мама. Пожалуйста, пусть это будет мама.

Ему задали на дом столько уроков, что просто нет времени беспокоиться из-за Джеки. А ведь ей ничего не стоит втянуть маму в неприятности. Три месяца

назад она опустошила их банковский счет, совсем не оставив денег на оплату счетов. И теперь им приходится разбираться с задолженностью.

Ян вошел в дом и замер у порога. Дверь за ним захлопнуло порывом ветра. Мама, сидевшая в гостиной за швейной машинкой, подняла голову и улыбнулась. Ян просиял в ответ, чувствуя, как падает с плеч невыносимая тяжесть. Только у Сары могла быть такая располагающая улыбка.

Воздух в доме был спертым и душным. Ян вдохнул поглубже, и в носу защекотало. Он бросил взгляд на окна. Закрыты, да еще и задернуты занавесками. На столе – груда одежды. Спортивные костюмы и шорты. Здесь же громоздятся грязные чашки и тарелки.

– Как прошла твоя фотоэкспедиция? – спросила Сара.

Великолепно. Но это было вчера.

– Хорошо, – сказал вслух Ян.

Вчера было воскресенье. Все утро он бродил по полям, фотографируя птиц и муравьев той камерой, которую нашел в кабинете отца. Она оказалась гораздо лучше его старенького фотоаппарата. Когда он вернулся к обеду, мамы дома не было. Ужинать ему тоже пришлось одному. Ян доел холодные спагетти, оставшиеся со вчерашнего вечера, потом уселся смотреть футбол. Он долго не ложился в надежде дождаться маму. И только в три ночи, услышав на лестнице цоканье каблуков, Ян наконец погрузился в сон. Правда, это была не совсем его мама. Сара не носила туфель на высоком каблуке. Зато Джеки их обожала.

Мама бросила взгляд на часы. 3.45. День уже клонился к вечеру.

– Ну и долго же ты гулял. Удалось снять что-нибудь интересное?

– Надеюсь, – пробормотал Ян. Он пока не успел проявить пленку.

– Кушать хочешь? Я сделала сэндвич с ветчиной. Он в холодильнике.

Ян скинул рюкзак, и тот упал на пол у его ног. Улыбка на лице мамы задрожала и погасла.

Ян расстегнул рюкзак и отдал ей почту.

Помедлив, Сара взяла конверты и уставилась на них невидящим взглядом.

– Какой сегодня день? – еле слышно шепнула она.

– Понедельник.

Плечи ее поникли. Взгляд скользнул по куче одежды. Сара зарабатывала тем, что вышивала эмблемы для местных скаутов и спортсменов. Ян знал, что эти деньги шли на него: ему покупали новую одежду и спортивные принадлежности. В противном случае, как объяснила мама, ему пришлось бы довольствоваться подержанными вещами.

– Я должна сдать это через час. Но я не уложусь вовремя. Я-то думала, что сегодня воскресенье. – Она стала перебирать письма, которые отдал ей Ян, но уже после четвертого отшвырнула все в сторону. Казалось, один вид этих конвертов вызывает у нее отвращение. Взгляд потух, плечи поникли.

– Прости меня, Ян.

– Все в порядке.

Надо было разбудить маму перед тем, как уйти в школу. Но страх оказаться лицом к лицу с Джеки не позволил ему постучаться в дверь.

Ян поднял рюкзак.

– Я к себе. У меня еще куча уроков.

По пути вверх он забрел на кухню. Здесь пахло кислым молоком и заплесневевшим хлебом. На столе стоял забытый пакет с портвейном. Рядом лежал мамин ежедневник. Открыт он был на вчерашнем дне.

Ежедневник лишь подтвердил то, о чем Ян и так догадался вчера по стуку каблуков: домой поздно ночью пришла не Сара, а Джеки. И она же, судя по всему, проснулась утром. И только потом, в течение дня, мама снова стала собой. Из ее памяти напрочь выпали те двадцать четыре часа, которые она провела под личиной Джеки. Целые сутки оказались бесследно стерты из ее жизни.

Ян перелистнул страницу. Здесь стояла запись, сделанная рукою мамы: 17.00. ФОРМЫ ДЛЯ ТРЕНЕРА ТЭММИ ПЕНРОУЗ. И рядом – номер телефона. Ян положил ежедневник на место и открыл холодильник. В нос ударил запах скисших овощей. Ян сморщился и чихнул. Схватив с тарелки сэндвич, он отправился к себе наверх.

Дверь в кабинет отца была распахнута. Ян сначала прошел мимо, но внезапно замер и вернулся.

Над рабочим столом висел календарь за октябрь. Красные крестики перечеркивали дни, вплоть до семнадцатого. Это был прошлый четверг – день, когда отец улетел снимать очередной матч. Если все пройдет нормально, сегодня вечером он будет дома.

И тут Яна озарило. Идея всплыла в его голове, как проявленный кадр. Он бросил рюкзак, положил на стол сэндвич и принялся рыться в ящиках. Вскоре перед ним лежали линейка, карандаш и лист бумаги. Придвинув к себе лист, Ян принялся чертить самодельный календарь. В самом верху он крупно написал ОКТЯБРЬ, добавил еще парочку деталей и вернулся на кухню.

Мама как раз вешала телефонную трубку.

– Миссис Пенроуз дала мне еще один день, – сообщила мама. – Работать придется допоздна, так что ужинаем сегодня рано. – Она налила в кастрюлю воды, попутно отирая уголки глаз.

– Не переживай, ма. Тебе ведь и раньше случалось путать дни, верно? – Ян взял магнитик и прикрепил к дверце холодильника самодельный календарь.

– Что это? – спросила мама.

– Календарь. Миссис Риверс научила нас перечеркивать дни в наших школьных календарях, чтобы мы точно знали, какой сегодня день. Папа тоже так делает.

Мама взглянула на листок бумаги, где вчерашний день был перечеркнут большим красным крестом.

– Я буду вычеркивать дни в этом календаре, так ты ни за что не спутаешь даты. А ты уже будешь вычеркивать дни в своем ежедневнике. – Ян ткнул пальцем в квадратик, где было написано «понедельник, 21 октября», после чего указал на такую же графу в мамином ежедневнике.

Мама взглянула влажными от слез глазами.

Ян огорченно уставился на тарелки, оставшиеся на столе после завтрака. Похоже, он только расстроил маму своей идеей.

– Я сниму это, – потянулся он за листком.

– Не надо, – коснулась его плеча мама.

Глаза Яна щипало от слез. Пытаясь скрыть замешательство, он поскреб затылок, затем сложил руки на груди.

– Прости, что вчера оставила тебя одного. Мне так стыдно, что я все время ошибаюсь. Прости меня, Ян.

Губы у него дернулись, и он с трудом подавил рыдание. Его мама только и делала, что извинялась. Ян ненавидел эту ее привычку забывать обо всем. Жаль, что она не может быть такой же, как другие мамы.

Чувствуя на себе настойчивый взгляд, он все-таки поднял голову. Глаза у мамы были опухшими, щеки в красных пятнах.

– Прости, что не приготовила тебе завтрак.

– Да ладно, все в порядке.

– Нет, – опустившись на колени, она сжала его плечи, – мне надо было проводить тебя в школу. Как подумаю, что ты ждал там автобус в полном одиночестве... Прости, пожалуйста, – прошептала она.

Одиночество стало для Яна второй натурой. Другое дело, что он всей душой ненавидел это чувство.

– Во сколько сегодня вернется папа?

– Поздно. Ты уже будешь спать. Ты бы хотел, чтобы он чаще бывал дома?

Ян кивнул и отвел взгляд в сторону. Он бы не чувствовал себя таким покинутым и одиноким, если бы папа не так часто уезжал в командировки. Но работа есть работа. Деньги задаром никому не даются.

Ян чувствовал, что мама наблюдает за ним, но не решался взглянуть на нее. Он наверняка расплачется, и это расстроит ее еще больше. А там уже останется один шаг до Джеки и очередного провала в памяти.

– Я стараюсь заботиться о тебе, Ян. Делаю все, что в моих силах. Ты это знаешь.

Ян медленно кивнул, хоть и не чувствовал, что мама и правда делает все возможное. Да и чему тут удивляться? Все эти постоянные перевоплощения из Сары в Джеки и обратно! Получалось, не столько она заботится о сыне, сколько он о ней. Если бы только она была нормальной, как другие мамы. Тогда бы ему не пришлось так часто тревожиться из-за нее.

Глава 4

Ян

Пока я веду машину, Эйми упорно смотрит куда-то в сторону. Нас разделяет не только молчание. Такое чувство, будто мы за много километров друг от друга. Протяни я сейчас руку, и она ткнется в стену, которую возвела между нами моя

жена.

Эта стена здесь с самого июня, с момента появления Джеймса.

Мне хочется разрушить ее до основания.

Неплохо бы знать, что за бомбу притащил с собой Джеймс на этот раз.

Пальцы Эйми намертво вжались в сумочку у нее на коленях. Если это о чем-то и говорит, то лишь о том, что она все еще взвешивает услышанное. Осмысляет сегодняшнюю встречу с Джеймсом.

Думает о нем.

Только без спешки, говорю я себе. Там, у Нади, Эйми чуть приоткрылась. Надо лишь подождать, и она сама обо всем расскажет.

Надеюсь только, она не затянет с признанием. С учетом тех сроков, которые мне выставили в журнале, лететь в Испанию придется очень скоро. Я уеду, зная о том, что Джеймс еще в городе.

Мысленно выругавшись, я ерошу волосы и слегка разворачиваюсь на сиденье. Так, чтобы не терять из виду Эйми. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не вывалить на нее свои новости. Так мне было бы проще завладеть ее вниманием. Вернуть ее к мысли о том, что я и есть главный мужчина в ее жизни. Во всяком случае, я на это надеюсь.

У меня в голове созревает идея. А почему бы не полететь в Испанию вместе с Эйми? И дело тут не только в Джеймсе. Эйми обожает диких лошадей. Мы могли бы использовать нашу поездку, чтобы снова прийти к согласию друг с другом. К тому согласию, которое царило в наших отношениях до появления Джеймса.

Эйми нервно сжимает руки, и я не выдерживаю. Наплевав на невидимый барьер, я беру ее ладонь в свою и подношу к губам. Мне нравится ощущать на губах тепло ее кожи, такой нежной и бархатистой. Именно эти два слова красуются на бутылочке с лосьоном, которая стоит у нас в ванной. Эйми обожает свой лосьон. Ну а я – тот везунчик, которому позволено ощущать бархатистость ее кожи.

Эйми не спешит отнять руку, и я чувствую, как капелька напряжения уходит из моего тела. Пульс учащается, мне хочется поскорее добраться до дома. Первое, что я сделаю, – уложу Эйми в нашу постель. Эта роскошная женщина моя, и только моя. Мне важно ощутить нашу близость, важно восстановить ту связь, которая была разорвана. Но самое главное, мне необходимо увериться в том, что она действительно моя.

– Я люблю тебя, – говорю я, не отрывая от нее взгляда.

Эйми моргает, ослепленная светом встречных фар. Ее ротик, этот изящный ротик, который мне так хочется поцеловать, чуть открывается, и я вижу, что она готова заговорить.

Я жду, затаив дыхание. Сердце колотится так, что еще немного, и вырвется из груди. Если повезет, мы сможем обсудить ее встречу с Джеймсом до того, как приедем домой. Я чувствую, что Эйми переживает, и мне это ужасно не нравится. Может, поход в ресторан – не такая уж плохая идея. Эйми отвлечется, забудет на время про Джеймса. На часах – без десяти восемь. У нас в запасе еще сорок минут.

– Тебе не кажется, что мы поспешили с женитьбой?

Бум! Бомба таки взорвалась.

Нога у меня непроизвольно дергается, отчего машину слегка заносит.

Признаться, это совсем не то, что я ожидал услышать.

Да нет же! Я ждал тринадцать месяцев, чтобы объясниться, наконец, в любви.

Конечно, тут не обошлось без поездки в Мексику, где мы и отыскали Джеймса. Именно страх навсегда потерять Эйми стал тем пресловутым пинком, который заставил меня объясниться. И что с того, что я сделал ей предложение спустя каких-то три месяца? Мы знали, что любим друг друга. Знали, что хотим провести эту жизнь вместе.

Только один человек мог натолкнуть ее на подобную мысль сейчас, когда нашему браку исполнилось целых пять лет.

- Что именно сказал тебе Джеймс?

- Джеймс тут ни при чем.

Эйми убирает руку, и меня вновь охватывает эта тянущая пустота.

- Так ли уж ни при чем? - Я крепче сжимаю руль. - Он приезжает в город, и ты тут же спешишь встретиться с ним. Игнорируешь мои сообщения и звонки. Несколько часов я терзаю телефон...

- Насчет часов ты явно перегнул.

- ...Только чтобы обнаружить тебя у Нади, да еще и в расстроенных чувствах. И ты тут же заявляешь, чтобы я ехал домой. Что, по-твоему, я должен думать?

- Ну, если ты предпочитаешь истолковать все именно так...

- А как еще это можно истолковать? - огрызаюсь я.

Эйми замирает и выжидательно смотрит на меня.

Я тоже молча смотрю на нее.

Она молчит, и я молчу.

Я просто не знаю, что тут сказать.

Постой-ка. Одна мысль у меня все-таки есть.

На мгновение прикрыв глаза, я сглатываю свою злость.

- Прости. Я вовсе не собирался ругаться с тобой.

И снова молчание. Наконец Эйми тихонько произносит мое имя.

– И ты прости. Мне надо было позвонить тебе.

– Тебе надо было ехать домой, – мягко говорю я. – Тебе надо было довериться мне.

– Я знаю. Просто мне до сих пор стыдно из-за того летнего свидания. – Она разглядывает сложенные на коленях ладони.

– Ты зря переживаешь. Вашу с Джеймсом ситуацию и правда не назовешь нормальной. Вы долго встречались, а потом все оборвалось самым немыслимым образом. Причем не по твоей вине.

– В каком-то смысле и по моей. Джеймс отколотил тогда хулигана, который меня донимал, и я стала относиться к нему как к настоящему герою. Я продолжала восхищаться им даже после того, как наши отношения изменились, превратившись из дружеских в более близкие. Мне следовало понимать...

– Нет-нет, – качаю я головой. – Сколько лет тебе было, когда вы начали встречаться? Тринадцать? Не нужно ругать себя. Ты была еще совсем ребенком.

Я искоса смотрю на Эйми, и на языке вертится один вопрос. Я уже задавал его прежде, но придется спросить снова.

– Ты все еще влюблена в него?

Это все равно что проглотить горькую пилюлю. Я невольно морщусь.

Черт возьми, Коллинз. Откуда эти страхи?

Но если вдуматься, каждая женщина, которую я любил, рано или поздно бросала меня. А если и Эйми уйдет...

Эйми устало вздыхает.

- Ты же знаешь, что нет. Но Джеймс – часть моего прошлого. Если бы не он, я была бы сейчас совсем другим человеком. Ну, как тебе объяснить? – Она на секунду задумывается. – Я испытываю к вам совсем разные чувства. Джеймс не способен умалить мою любовь к тебе. Более того, я думаю, именно опыт с Джеймсом позволит мне по-настоящему полюбить тебя. Если уж сравнивать, то я бы сказала, что мои чувства к Джеймсу похожи на твои чувства к Риз.

- Ну нет, – говорю я со смешком. – Тут мы с тобой в разных ситуациях.

- Ты же был когда-то влюблен в нее. Это твое прошлое, но ты практически не упоминаешь о ней.

- Не переводи стрелки на меня. Речь не обо мне. Речь о тебе и...

- Я не скрываю от тебя своих чувств. Я всегда рассказываю тебе про Джеймса и про то, что я думаю. Мы же договорились, что не будем утаивать друг от друга свои прошлые отношения, кого бы они ни касались – возлюбленных или матерей.

- При чем тут моя мама?

- Мы не раз говорили о ней. А вот о Риз ты практически не рассказывал.

- Да тут и говорить не о чем, – тихо замечаю я. И это касается не только Риз, но и матери. Я раз за разом ходил к психотерапевту, пока не унялся тот гейзер негодования, который вскипал в душе всякий раз, когда я упоминал про маму. Теперь я чувствую только вину и раскаяние. Я знаю, что мог бы сделать для нее больше. Но знаю и то, что мог бы просто оставить ее в покое, позволить ей быть такой, какая она есть. Не я отвечал за ее судьбу, хоть тогда мне и казалось иначе.

Эйми все известно о моем детстве. О том, как отец неделя за неделей пропадал на своих матчах, не оставляя мне иного выбора, кроме как присматривать за мамой. Я же был еще ребенком! Мне бы и в голову не пришло поступить так с Кэти.

Воспоминания ранят, и я загоняю эту боль поглубже. Самое время сосредоточиться на дороге. Она ровная и прямая, но наш разговор с Эйми

петляет все больше и больше.

Эйми искоса посматривает на меня, постукивая пальцами по сумочке у себя на коленях. Меня это, признаться, слегка нервирует. Я сворачиваю на дорогу, ведущую к нашему кварталу, и в скором времени останавливаюсь у светофора.

– Джеймс влюблен, – говорит Эйми, по-прежнему не сводя с меня взгляда.

– Надеюсь, не в тебя?

Она лишь фыркает в ответ на мое замечание.

– Разумеется, не в меня. В Наталью. Помнишь женщину, которая приходила вместе с Карлосом в дом моих родителей? Джеймс живет с ней на Гавайях. Он все переживает, не слишком ли это быстро – влюбиться после всего-то пары месяцев знакомства. Его вопрос невольно навел меня на мысли о наших с тобой отношениях.

Может, нам с Эйми стоит пересмотреть нашу политику открытости, которая позволяет делиться самыми потаенными мыслями и переживаниями? Меня эта ее откровенность просто убивает.

– Я люблю тебя, Эйми, очень люблю. Ты и Кэти – вся моя жизнь.

– Я тоже люблю тебя, Ян. – Наклонившись, она целует меня в шею. На мгновение я прикрываю глаза. Никогда еще я так не нуждался в ее прикосновении, в этом безмолвном признании в любви.

Зевнув, Эйми кладет руку на живот.

– Мартини без закуски – не самое умное решение. Ты, кажется, говорил что-то насчет ужина?

Я недоуменно хмурюсь, и Эйми поясняет:

– Там, у Нади.

– Пустяки, – качаю я головой. – Заберем Кэти, а потом купим домой что-нибудь готовое.

Эйми кивает и вновь погружается в свои размышления.

– О чем ты думаешь? – спрашиваю я через некоторое время.

– Да так. – Она потирает висок. – Джеймс спросил, не хочу ли я выдвинуть обвинение против Фила.

Ну не скотина ли я? С каким удовольствием врезал бы я себе по лбу, если бы это не выставило меня еще большим идиотом!

– Вот почему ты так расстроилась.

Эйми кивает.

– Мне сразу вспомнились предложение Джеймса, нападение Фила и все, что за этим последовало.

Перед тем как выйти за меня замуж, Эйми рассказала мне о попытке Фила изнасиловать ее. Тогда она утаила от всех этот инцидент... и сделала это по просьбе Джеймса. Из любви к Джеймсу. Меня это, признаться, порядком озадачило. Ситуация выглядела такой же болезненной, как вся семейка Донато. Ну как можно было согласиться на подобную просьбу? С другой стороны, моя мать не раз обращалась ко мне с такими же невыносимыми просьбами. И я всегда поступал, как она хотела, за исключением одного-единственного раза.

Все, на что мы готовы ради любви.

Уже забеременев нашей дочерью, Эйми пошла на прием к психотерапевту, чтобы проработать ту травму, которую нанесли ей исчезновение Джеймса, махинации Томаса и нападение Фила. Я сам отвозил ее на сеансы и даже присутствовал на некоторых.

– Где Фил сейчас? Есть ли смысл опасаться его появления?

Эйми качает головой.

– Я ему уже не интересна. Он просто использовал меня, чтобы отплатить Джеймсу.

Значит, Фил нас не побеспокоит. И то слава богу.

– Так ты собираешься выступить против него с обвинением?

– Нет-нет. Последнее, чего я хочу, опять связываться с этой семьей.

– Подумай как следует. Я поддержу любое твое решение.

– Примерно то же сказал мне Джеймс. Он предложил выступить в качестве свидетеля, если я все-таки решусь обратиться в суд. Сказал даже, что не возражает сам оказаться за решеткой – как-никак, это он уговорил меня тогда не поднимать шума. Мне кажется, он пытается хоть как-то исправить свои ошибки.

– Для этого он и вернулся в Калифорнию? – Я паркую машину у дома, где живут родители Эйми.

– Отчасти для этого.

Любопытство берет верх над здравым смыслом.

– А для чего еще?

Взгляд Эйми становится непроницаемым.

– Он хочет встретиться с тобой.

Со мной?

– А от меня-то ему что нужно?

Я бросаю взгляд в сторону дома и поднимаю палец.

- Подожди-ка.

Кэти, должно быть, увидела нас в окно. Она мчит по дорожке в платье принцессы, размахивая над головой волшебной палочкой. Волосы у нее светло-каштановые, как у меня, и янтарного оттенка глаза, но свою улыбку и пышные кудряшки она унаследовала от Эйми.

Я выхожу из машины и подхватываю дочку на руки.

- Кэти-кексик! - чмокаю я ее в щеку. От нее пахнет персиками и мороженым.

- Папочка! - верещит Кэти. - Что вы тут делаете? Бабушка сказала, вы будете праздновать. Привет, мамуля!

Эйми тоже подходит к нам. Она целует Кэти и хмурится в мою сторону.

- И что именно мы празднуем?

- Ну-у-у...

- Это как-то связано с теми планами на ужин, которые внезапно отменились?

- Очень может быть, - несколько туманно отвечаю я.

- Расскажи нам, папа! Ну же! - Кэти обнимает меня за шею.

Что ж, первая часть моих планов и правда не задалась. Но может, нам с Эйми еще удастся спасти вечер?

- Мне позвонили из National Geographic. Они отправляют меня в командировку.

Эйми смотрит на меня круглыми от изумления глазами.

- Ян, но это же здорово!

- Здорово - не то слово. - Лицо у меня расплывается в улыбке.

- Класс, папуля!

- Я так рада за тебя.

Именно этой реакции я ждал с самого начала.

- Для меня это и правда очень важно.

- Не только для тебя. Для всех нас. И ты собирался ехать домой, ни словом не обмолвившись об этом?

- Ну... - Я спускаю Кэти с рук, и она в восторге носится вокруг нас с Эйми. В дверях дома появляется еще одна фигура.

- А вы что тут делаете? Неужто поругались? - Кэтрин спускается к нам по ступенькам террасы. - Будьте паиньками и отправляйтесь ужинать.

Я прячу довольную улыбку. Признаться, я не против такого вмешательства. Счастье еще, что родителям Эйми есть до нас дело. Хотел бы я сказать то же самое про своих.

Эйми крепко обнимает мать.

- Уже едем.

- Прекрасно. Отдохните в свое удовольствие. А Кэти переночует у нас. - Кэтрин берет внучку за руку.

- Где мы ужинаем? - спрашивает у меня Эйми.

- «Ла Фондю».

Эйми задумчиво скользит взглядом по моей фигуре.

– Так вот почему ты решил приодеться.

Верно. Я и правда сменил привычные джинсы и футболку на более стильный наряд. Стильный и сексуальный. Я даже пригладил волосы, хотя одна непослушная прядь продолжает падать мне на лоб.

– Нам надо быть в ресторане через двадцать минут.

– Так что же мы тут стоим? – Эйми решительно направляется к машине.

– Вот и я о том же. – Кэтрин машет нам на прощание, и вместе с Кэти они уходят домой.

Я тоже забираюсь в машину.

– Что ж, пора подкрепиться.

В скором времени мы останавливаемся у ресторана, и я поворачиваюсь к Эйми. Внимательно всматриваюсь в ее лицо. За время поездки она успела немного подкраситься. Ни за что не скажешь, что Джеймс – этот мерзавец – заставил ее плакать.

– Уверена, что хочешь посидеть в ресторане? Мы могли бы заказать кое-что из еды и спокойно поужинать дома.

Джеймс вынудил Эйми вспомнить один из самых тяжелых дней в ее жизни. И я вовсе не хочу, чтобы она усилием воли натягивала на себя улыбку и делала вид, что все в порядке, если в действительности ей хочется только одного – уютно устроиться на диване с коробкой пиццы. Само собой, это не уменьшит моего желания выследить Джеймса и как следует врезать ему.

Эйми смотрит на меня с долей нерешительности, но затем улыбается.

– Уверена, – говорит она. И тут же, заметив недоверие на моем лице, повторяет с большей энергией:

– Я уверена. Пойдем поужинаем. Про Джеймса и мой день мы поговорим позже. Сейчас мне больше хочется послушать про твою поездку в Испанию.

Я вспоминаю о том, что Эйми хотела сказать мне перед тем, как мы приехали к ее родителям. Интересно, что нужно Джеймсу от меня? Мне очень хочется спросить ее об этом, но я не желаю тянуть Джеймса за наш столик. Сегодняшний вечер – только для нас.

Я беру Эйми за руку, и мы шагаем к ресторану. Ужинаем мы здесь не часто, лишь по особым случаям. Вроде командировки от National Geographic.

На смену сырному фондю приходит жареная оленина, которую сменяет десерт – клубника в шоколаде. Мы неспешно едим, и я рассказываю Эйми о своем назначении.

– Эл Фостер – тот самый редактор, с которым меня познакомил Эрик. Ему понравились мои снимки с «Рапы». Особенно его впечатлили те, где сняты лошади на холмах. Другое дело, что там слишком много посторонних деталей. Он хочет, чтобы я сфотографировал одних лошадей. Вот для этого я и лечу в Испанию.

Эйми бросает на меня виноватый взгляд.

– Я так и не посмотрела снимки, которые ты сделал в прошлую поездку.

Я макаю кусочек хлеба в расплавленный сыр.

– У тебя было много дел, – говорю я без особого энтузиазма. – К тому же нам пришлось разбираться с более важными вопросами.

– Кэти трещит о них без умолку.

– Я покажу тебе завтра.

– Было бы здорово. Только с утра пораньше, если не возражаешь. Потом мне надо ехать в банк, договариваться насчет кредита. – Эйми тоже окунает в сыр кусочек хлеба. – Статью ты пишешь сам?

– Нет, – качаю я головой. – Меня просто попросили сделать фотографии. Они пришлют журналиста, но я пока не знаю, кто это. Мы встретимся с ним на месте. Редактор хочет, чтобы мои снимки соответствовали теме статьи.

Эйми задумчиво жует хлеб.

– Здесь очень неплохой сыр. – Нанизав на вилку очередной кусочек, она окунает его в тягучую массу. – Пожалуй, мне тоже стоит добавить в меню это блюдо. Для тех, кто захочет у меня поужинать.

Я невольно хмурюсь.

– Неплохая идея, но тогда тебе придется работать допоздна. Ты уверена, что тебе этого хочется?

Эйми и так тратит много времени на свое кафе. Если она откроет, как запланировано, два новых филиала, ее рабочий день станет больше. А тут еще эта идея с ужином.

– Starbucks, который за углом от нас, добавил в меню тапас и вино.

– Ты лучше, чем какой-то там Starbucks.

– Я знаю. Но ведь...

Я сжимаю ее ладошку.

– Думай о том, что выгодно отличает твое кафе от других. Пусть они подражают тебе, а не ты им.

– Ты прав. – Эйми тянется к бокалу с вином. – Абсолютно прав. Порой все эти идеи только сбивают меня с толку. Я должна думать о главном. У меня и так куча дел с открытием двух новых кафе. – Она вздыхает и смотрит на меня. – Стало быть... Испания?

Я допиваю вино и опускаю пустой стакан.

– Летим со мной.

Эйми отводит взгляд, и я чувствую, что она в нерешительности. Я разочарован, но стараюсь не показывать этого.

– Когда ты уезжаешь? – спрашивает она.

– Через неделю. Может, через две. Надо свериться с прогнозом погоды. Там сейчас как раз начинается сезон дождей.

– И сколько времени тебя не будет?

– Дней пять, максимум неделю.

– Даже не знаю, – качает она головой. – Слишком все неожиданно.

Я смотрю на свою пустую тарелку.

– Разве что я... да нет, вряд ли это сработает...

Я снова сжимаю ее руку.

– Просто подумай над моим предложением, хорошо?

– Ладно, – кивает Эйми.

Ну и прекрасно. Детали мы обсудим позже. Пока же вечер складывается весьма удачно. А если учесть, что я ни словом еще не обмолвился про Джеймса, вечер можно назвать просто идеальным.

Джеймс, впрочем, не желает покидать мои мысли.

И что ему нужно от меня? Я же совсем его не знаю. Вот с Карлосом я пару раз встречался. Сначала в Мексике, а потом за обедом у родителей Эйми. Карлос приходил туда с Натальей.

Может, стоит все-таки спросить Эйми? Там, в машине, она уже готова была сказать мне... Но Эйми потягивает вино и смотрит на меня тем взглядом, который я так хорошо знаю. Все мысли о Джеймсе мгновенно улечиваются из моей головы.

Оставим это на завтра. Сегодняшний вечер только для нас.

После ужина мы возвращаемся домой. До чего же странно, что нас никто не встречает. Не нужно платить сиделке. Не нужно укладывать Кэти в постель. Слава богу, мы с Эйми на одной волне. На ее губах играет лукавая улыбка. Эйми тянется к моему поясу и щелкает замком. Мгновение, и кожаный ремень лентой скользит на пол.

Ее желание только распаляет мое собственное.

Посмеиваясь и переступая через одежду, мы спешим в спальню. Я подхватываю Эйми на руки, и мы падаем на постель, даже не позаботившись о том, чтобы сдернуть покрывало. К чему тратить впустую эти драгоценные секунды?

Я вдыхаю еле уловимый аромат духов, которые подарил ей на Рождество, и все мои эмоции сливаются в одно желание. Эйми тоже не остается в долгу – поцелую ее все горячее, руки скользят по моему телу в каком-то безумном танце. Такое чувство, что ей хочется стереть ту часть дня, когда она была не со мной. Закончив с прелюдией, я вхожу в нее. Наконец-то я там, где хотел оказаться весь этот долгий, утомительный день.

Ну и денек, скажу я вам!

Удалось ли Эйми отпустить все мысли о нем? Глаза у нее закрыты, а с губ, при каждом моем движении, срываются хриплые стоны. О чем она думает сейчас? О ком она думает?

Уж лучше бы обо мне, своем муже.

Я начинаю двигаться быстрее, еще быстрее... Мне надо овладеть каждой ее мыслью, каждым ее чувством. Одной рукой я сжимаю волосы Эйми, другой придвигаю ее к себе еще ближе.

Эйми нравится, когда я грубоват.

Ей нравится, когда я теряю контроль и отдаюсь во власть страсти.

– Посмотри на меня.

Она открывает глаза. Синева их кажется почти черной в сумерках спальни. Эйми смотрит на меня, не отрываясь. Ее пальцы впиваются мне в бедра. Я еще больше ускоряю темп, пока в моей голове не остается ни единой мысли. Пока не остается никого, кроме нас с Эйми.

Никого, кроме Эйми.

Моей жены.

Глава 5

Ян

Когда я открываю наутро глаза, Эйми уже нет. Я лежу на животе, крепко обнимая подушку, а рядом никого. С минуту я перебираю события вчерашнего дня, препарируя их, будто снимок для обработки. Я вспоминаю чувство облегчения, которое накатило на меня, когда я наконец-то нашел Эйми. Но вспоминаю и ту тяжесть в груди, которую ощутил чуть позже. Джеймс нанес удар исподтишка, вернув Эйми в прошлое, к тем событиям, которые ей так хотелось забыть. Счастье еще, что вечер закончился на более радужной ноте. А уж ночь и вовсе помогла настроиться на легкомысленный лад.

Я люблю такие ночи. Нам с Эйми хорошо вдвоем. Нам хорошо в постели друг с другом.

Эта мысль посылает новый импульс в мое тело. Может, позвать Эйми обратно? Но фраза, которую она бросила вчера вечером, гасит мое преждевременное желание.

«Тебе не кажется, что мы поженились слишком быстро?»

Прежде она никогда не задавалась подобным вопросом. Ну а мне он и вовсе не пришел бы в голову.

А вдруг она решит, что мы и правда поспешили? И что тогда? Она пообещала себя мне. Но что, если в глубине души ей все же хочется принадлежать другому? Тошнотворная тяжесть наполняет мое тело. Эйми бросит меня, вот что.

Да нет же, дурачок. Внутренний голос дает мне ощутимый подзатыльник.

Я со стоном растираю лицо ладонями. Ну, спасибо тебе, Джеймс, что вложил в ее голову эту мысль.

Я выбираюсь из постели и натягиваю шорты. Первым делом – ванная и туалет. Мытье рук отнимает немного времени, а сушка их – и того меньше. Потом я чищу зубы, придирчиво разглядывая себя в зеркало.

Кажется, кому-то явно не помешает побриться.

Прополоскав рот, я отправляюсь на поиски Эйми. И нахожу вместо нее записку.

«Звонила Мэгги. Она больна. Целую, Эйми».

Мэгги работает у Эйми на кухне. Вообще-то, Эйми не планировала сегодня быть в кафе, но ситуация изменилась. Теперь ее ждет горячее утро, полное запахов еды и хлопот. Лично я от этого не в восторге. Мне хотелось расспросить Эйми про вчерашнюю встречу с Джеймсом. Я не готов довольствоваться обрывками информации, мне нужна полная версия случившегося.

Я задумчиво вожу пальцем по записке. Признаться, я немного беспокоюсь за Эйми. Мало того что ей придется подменять Мэгги, она уже договорилась с банком, что приедет оформлять заем. А если добавить к этому поиски места для двух новых филиалов кафе... Да уж, Эйми явно взяла на себя больше, чем готова потянуть. Как бы все это не обернулось против нее.

Почему бы не устроить ей небольшой отпуск? Пора увезти ее подальше от Джеймса. А заодно и от воспоминаний про Фила.

Да, это действительно хорошая мысль. Зашнуровав кроссовки, я отправляюсь на утреннюю пробежку.

Вернувшись через сорок минут домой, быстро вливаю в себя чашку кофе. Затем наступает очередь омлета. После душа я начинаю тщательно бриться, в надежде на то, что Эйми оценит мои усилия. Довольно оглядев себя в зеркале, я перебираюсь в свой домашний кабинет, откуда есть выход прямо во дворик. День, судя по всему, будет солнечным и теплым. Пора уже, пора заказать билеты в Испанию.

Шевельнув мышкой, я пробуждаю к жизни свой компьютер. Вместе с ним оживают и два больших экрана – на таких удобно обрабатывать фотографии. Но сейчас мне нужно открыть почту. Убедиться, что договор от National Geographic уже на месте.

Я смотрю на документ, не в силах сдержать довольную улыбку. Вот оно!

В этот момент звонит мой телефон.

– Ян Коллинз, – бросаю я в трубку.

– Эл Фостер. Надеюсь, не разбудил вас?

Я смотрю на часы в углу монитора. Без пятнадцати восемь.

– Все в порядке, я уже работаю.

– Моя помощница должна была отправить вам договор.

– Все на месте. – Я открываю документ.

– Прекрасно. Просто хотел проверить. Подпишите его, а я черкну свою подпись. Когда вы вылетаете?

Я еще не успел посмотреть прогноз погоды.

- Где-нибудь на следующей неделе, - говорю я Элу. - Скорее всего, в среду или четверг.

- Прекрасно. Неподалеку от Сабуседо есть маленькая гостиница, называется La casa de campro. Один из наших фотографов уже останавливался там. Я попрошу свою помощницу выслать вам всю нужную информацию. Не забывайте сохранять чеки - мы их вам потом оплатим.

- Превосходно. Вы уже нашли того, кто будет писать статью?

- Насколько мне известно, выбор сузился до двух человек. Кто из них будет свободен, тот и возьмется за дело. В любом случае он встретится с вами на месте.

Мы болтаем еще пару минут, после чего я открываю свой контракт. Условия более чем удовлетворительные. Я подписываю документ и отправляю его Элу. Еще полчаса уходят на то, чтобы изучить прогноз погоды в Испании. А вот тут порадоваться нечему - дожди и дожди. Я бронирую места в гостинице, арендую машину и покупаю билеты на самолет себе и Эйми. Ей и правда пора отдохнуть и сменить обстановку.

Тем более что Джеймс в городе.

Следующий час я занимаюсь тем, что просматриваю почту и отвечаю на письма. Затем включаю негромкую музыку и принимаюсь обрабатывать фотографии, сделанные во время недавней экскурсии. Каменные арки, высеченные в скалах самой природой.

- Папа! - хлопает меня по плечу Кэти. От неожиданности я едва не падаю со стула.

- Б... бам. - Я зажимаю рот, чтобы приглушить собственный голос. Смотрю на время. И куда только оно утекло? На часах - двенадцать с минутами.

Подхватив Кэти, я сажаю ее к себе на колени и чмокаю в щечку.

- Испугался, да? - с довольным хихиканьем спрашивает она.

- Да уж. - Сердце трепыхается в груди, как перепуганный кролик.

- Ты едва не сказал плохое словечко, - хмурится Кэти.

Я прижимаю палец к губам:

- Маме ни слова.

Она энергично кивает головой.

- Ладно-ладно.

Она смотрит на меня своими ясными глазками и улыбается.

- Я соскучилась по тебе, папочка, - шепчет Кэти, будто доверяя мне великий секрет.

- Я... я тоже по тебе соскучился.

Кэти спрыгивает на пол и спешит к двери.

- Кушать хочется, - говорит она, пытаюсь подавить широкий зевок.

- Что ж ты тогда зеваешь во весь рот? Разве это не значит, что ты хочешь спать?

- Не-е-е-ет, глупенький, - смеется Кэти.

- Ладно, пойдем пообедаем. - Я встаю из-за стола и разминаю затекшие ноги. - А потом кое-кто отправится в кроватку.

- Давай сначала поиграем в принцессу! Пожалуйста! - Кэти умоляюще смотрит на меня.

– Ясное дело, Кэти-кексик. Но на этот раз я буду Рапунцелем.

– Идет, – кивает она и бежит на кухню.

Я иду за ней, улыбаясь собственной ребячливости. Парик и балетная пачка – вот что ждет меня в ближайшие полчаса.

Кэтрин распаковывает на кухне рюкзачок Кэти. Пару минут мы болтаем о всяких пустяках, после чего теща сообщает, что ей пора к парикмахеру.

Я провожаю ее до дверей.

– Не могла бы ты потом подбросить нас с Кэти до кафе? Эйми забрала сегодня мою машину. Ее машину мы оставили вчера у Нади.

Кэтрин бросает взгляд на часы – серебряную змейку, обвившуюся вокруг тонкого запястья.

– По идее, к половине третьего я буду свободна.

Значит, у нас еще два часа. Кэти успеет не только пообедать, но и вздремнуть.

Расправившись с сэндвичами, мы начинаем играть в принцессу. Я как раз стою на кофейном столике в длинном белом парике и пачке поверх джинсов и объявляю Кэти свою волю, когда кто-то звонит в дверь.

– Пойду узнаю, кто это, – говорю я голосом принцессы и танцующей походкой направляюсь в коридор. – Привет! – Я распахиваю дверь, и слова застревают у меня в горле.

На пороге стоит Джеймс. При виде меня он изумленно хлопает глазами. На лице его, будто против воли, появляется улыбка, и он тут же отворачивается, чтобы скрыть ее.

– Ты?

Я понимал, что Джеймс рано или поздно объявится – в кафе, к примеру, или в галерее у Венди. Но чтобы вот так, на пороге моего собственного дома, да еще в момент, когда я играю с дочкой в принцессу... Впрочем, Джеймс – он же Донато, а от этой семейки можно ожидать чего угодно.

– Прошу прощения, я только... – Джеймс ошеломленно качает головой. – Такого я и представить не мог. Ты застал меня врасплох.

Я застал его врасплох?

Да неужели?

– Милый костюмчик, – замечает он.

При виде моей недовольной физиономии улыбка сходит с его лица.

У этого парня хватило наглости постучать в мою дверь.

Лично я предпочел бы для встречи что-нибудь нейтральное, вроде боксерского ринга. Тогда бы я смог произвести на Джеймса большее впечатление. Он бы запомнил не балетную пачку, а форму и размер моего кулака.

Джеймс протягивает руку.

– Я...

– Я знаю, кто ты, – с ходу обрываю я его. Стащив с головы парик, я пытаюсь хоть как-то пригладить волосы.

– Прекрасно. – Поняв, что его дружеский жест останется без ответа, Джеймс сует руку в карман.

А чего он, собственно, ожидал? Это из-за него Эйми проплакала вчера весь вечер. Из-за него наша семейная жизнь оказалась под вопросом. И я, кстати, так и не узнал пока подробностей их вчерашней встречи.

– Кто там, папочка? – Кэти просовывает голову в дверь и улыбается Джеймсу. – Привет, я Сара Кэтрин. Но все зовут меня просто Кэти.

Джеймс невольно отступает на шаг. Даже не на шаг – на шажок. И это неудивительно, ведь перед ним мини-версия Эйми. Кэти унаследовала улыбку матери и ее непокорные кудряшки.

– Привет, – говорит Джеймс неожиданно севшим голосом. – Рад знакомству, Кэти. Я Джеймс... – он смотрит на меня с некоторым вызовом, после чего снова переводит взгляд на Кэти, – друг твоей мамы.

Я морщусь. Хватит уже с нас этих светских бесед. Сдернув пачку, я сую наряд принцессы Кэти:

– Давай в дом. Пора поспать.

– Я не хочу спать, – хнычет она.

– Тогда полистай книжку. – Неважно, чем она займется, лишь бы подальше отсюда. – Я сейчас приду.

Кэти поджигает губки, но покорно уходит в дом.

Прищурившись, я внимательно рассматриваю Джеймса. Тот невольно ежится под моим взглядом.

– Для начала я хотел бы попросить прощения за то...

– Что поцеловал мою жену? – вырывается у меня.

Челюсть Джеймса каменеет.

– За то, что пришел сюда, – кивает он на дом. – Я знал, что Эйми здесь не будет. А последний раз, когда она видела нас вместе... – Он пожимает плечами. – Я понимаю, до чего странно это должно было выглядеть, ведь я тогда еще был Карлосом.

Ах да. Обед у родителей Эйми, на который пожаловали два неожиданных гостя – Карлос и Наталья.

– Продолжай, – говорю я Джеймсу, скрестив на груди руки.

– Могу я войти?

– Нет. – Я делаю шаг вперед и плотно прикрываю за собой дверь.

– Пусть так, – понимающе кивает Джеймс. – Как она сегодня?

– Эйми? Прекрасно.

По правде говоря, я понятия не имею. Надо было позвонить ей с утра.

– Так зачем ты все-таки здесь? – Мне хочется увести разговор от Эйми.

Он беспечно пожимает плечами.

– Считаю, из любопытства. Хотел встретиться с тобой.

– Чтобы понять, достоин ли я Эйми?

Не сразу, но он все-таки кивает. Что ж, характера ему не занимать.

– А вернулся ты навсегда? – спрашиваю я.

Джеймс качает головой.

– Мы с сыновьями живем теперь на Гавайях.

Спасибо и на этом.

– Буду с тобой откровенен, – говорит Джеймс. – Я встретился вчера с Эйми, чтобы извиниться... извиниться за то, что произошло в прошлом. Не хочу, чтобы

ты думал, будто между нами что-то есть.

– С чего бы мне об этом думать?

Джеймс смотрит мне в глаза.

– Я бы думал, будь я на твоём месте.

Тоже правда.

Я рассеянно потираю щеку.

– Эйми сказала, что простила тебя ещё в прошлую вашу встречу. Зачем вдруг потребовалась ещё одна?

– В тот раз мы... – Джеймс отводит взгляд, будто пытаюсь подобрать слова. – В тот раз многое осталось недосказанным.

Ещё бы, ведь твой язык был занят другим.

Мне хочется придушить Джеймса, но я могу понять его мотивы. Ему хочется раз и навсегда покончить с прошлым, как этого когда-то хотелось Эйми. И все же...

– Ты поцеловал мою жену.

Я не собираюсь делать вид, будто ничего не произошло.

На щеках Джеймса проступает еле заметный румянец.

– Хотя я и рискую заполучить сейчас по носу, – кивает он на мой сжатый кулак, – тем не менее должен сказать, что у нас с Эйми всегда будет общее прошлое, и мы ничего не в состоянии поделаться с этим. Но любит-то она тебя. А я... что ж, у меня тоже кое-кто есть.

– Наталья?

Лицо Джеймса озаряется улыбкой. Эйми права. Он действительно влюблен.

– Но я здесь совсем по другой причине. – Он сует руку в карман. – Месяц назад ко мне на пляже подошла одна женщина и вручила мне вот это. – Он машет перед моим носом визиткой.

У меня по спине расплзается холодок. По шее и рукам пробегают мурашки.

– Это имя встречалось мне в тех журналах, которые я читал, еще будучи Карлосом. Женщина заявила, что я знаю человека, который пытается отыскать ее. Мне кажется, она имела в виду тебя.

Я безо всякого удивления смотрю на имя, напечатанное на карточке крупными черными буквами. ЛЭЙСИ СОНДЕРС. ЭКСТРАСЕНС. «Специалист» по розыску пропавших людей и «ответов, которые вы ищете», как сказано чуть ниже. Лэйси, которая представилась тогда как Лейни, отыскала меня однажды в канаве посреди поля. Мне было девять. Я заблудился и не мог найти дорогу домой. Она же направила Эйми в Мексику на поиски Джеймса. И я уже тогда подумал, а не привлечь ли мне ее к поискам моей мамы.

Но Сара Коллинз не пропала. Она ушла сама.

Я беру карточку, и мысли невольно уносятся в прошлое. Я снова вижу себя на обочине дороги, где это небесное существо разыскало мою замурзанную персону.

Джеймс кивает на карточку.

– Даже странно, что она появилась тогда на том пляже. Как будто знала, что я буду там именно в то время. Но это же невозможно, правда?

Невозможно? Почему же.

Невероятно? Пожалуй.

Но кто я такой, чтобы испытывать Судьбу? При желании ей ничего не стоит испортить вам жизнь. Всякий рано или поздно получает то, что ему причитается.

Остается лишь надеяться, что не слишком поздно.

Джеймс сбегает по ступенькам, возвращая меня в момент настоящего.

– Надеюсь, Ян, ты найдешь то, что ищешь. – Он машет на прощание рукой и уходит. Видимо, к своей машине.

Глава 6

Ян в возрасте девяти лет

– Как насчет этой рубашки? – спросила мама.

Ян поморщился при виде синего поло. Нет уж, только не это. Они с мамой выбирали ему летнюю рубашку уже тридцать минут. На двадцать девять минут дольше, чем ему хотелось оставаться в этом загоне для одежды. Он с тоской посмотрел в окно, туда, где тянулась Центральная улица. Пара мальчишек прокатила на велосипедах. Еще один махнул мимо на скейтборде. Субботы не предназначались для того, чтобы торчать в магазине. По субботам принято было осыпать девчонок попкорном или бороться у ручья с Маршаллом, чтобы понять, кто кого первым окунет в воду.

Яну совершенно не светило провести всю субботу за покупками, тем более что маму постоянно бросало из крайности в крайность.

Прошлым вечером она флиртовала с Дугом, кассиром из супермаркета. Жили они в маленьком городке, где все знали друг друга. Дуг был прекрасно осведомлен о том, что мама – замужняя женщина. Но это не помешало ей спросить у парня, нравится ли ему ее новая блузка. И как она смотрится лучше – с расстегнутой пуговичкой или застегнутой? И мама тут же продемонстрировала это. Дуг что-то мямлил в ответ, спешно заворачивая ее покупки. Ян готов был сгореть от стыда. Он молился только о том, чтобы никто из его приятелей не зашел в это время в магазин. Не хватало еще, чтобы они лично увидели чудачества его мамы!

- Ну чем плоха эта рубашка?

Ян лишь презрительно фыркнул.

- Мне она не нравится.

- Мы не уйдем отсюда, пока ты не выберешь себе что-нибудь.

Ян со вздохом направился к стойке с футболками. Внимание его привлекла черная рубашка, на которой была изображена фотокамера. Вместо вспышки – желтая звезда. Ужас, а не рубашка. Ян ни за какие деньги не надел бы на себя такое. Но рисунок напомнил ему о той идее, которая возникла у него вчера по пути из супермаркета.

- Как ты отнесешься к тому, что я буду тебя фотографировать? – спросил он у мамы, показывая ей рубашку.

- Меня? – удивилась мама. – С какой стати?

- Помнишь, ты спрашивала меня вчера вечером, почему я так расстроен?

- Смотри, какая прелесть. – Она взяла в руки зеленую рубашку.

- Ма, – простонал Ян, – ты и правда вела себя странно в том магазине. Но ты не поверила, когда я об этом сказал.

- Я и сейчас не верю.

И так всегда. Когда Ян показывал ей пустые бутылки из-под водки, она обвиняла его в том, что он сам вылил их содержимое. И его же в итоге наказывали. Раз она не помнила, как пила спиртное, то ничего этого и не было.

- Ты помнишь, как оплачивала наши покупки?

Ее рука замерла над вешалками.

– Помнишь, как расстегнула перед Дугом блузку? – Его щеки заалели при одном воспоминании об этом.

– Ян Коллинз, думай, о чем говоришь! Я на такое не способна!

– Но я же видел это. И Дуг тоже, – не отступал Ян.

Мама отпихнула от себя стопку с рубашками.

– Я помню, как выбирала продукты и ехала домой.

Но не то, как расплачивалась у кассы.

– Почему бы мне не фотографировать тебя, когда ты начинаешь вести себя странно? В те моменты, когда ты заставляешь нас с папой называть тебя Джеки.

Мама быстро отвернулась, но Ян успел заметить, как задрожали ее губы. Он знал, что попал в точку. Мама терпеть не могла, когда произносили это имя. Сам он впервые услышал его лет в пять, но Джеки начала появляться с самого его рождения. Папа умолял маму прекратить эти странные выходки. Но как она могла сделать это, если не помнила тех часов и даже дней, когда ее поведением управляла Джеки?

Мама покрутила в руках вешалку.

– Не думаю, что это такая уж хорошая мысль, Ян.

– Может, мои фотографии помогут вам с папой понять, зачем Джеки деньги? Она все время роется в поисках твоего кошелька. А ты, я знаю, всегда прячешь его, когда приходишь домой.

На этот раз мама взглянула на него куда внимательней.

– Откуда тебе это известно?

– Вы с папой как-то говорили об этом.

- Подслушивать нехорошо.

- Я знаю. Прости, пожалуйста. Но я мог бы тебе показать, куда Джеки ходит и что она делает. Разве тебе это не интересно?

- Ян...

- Я мог бы проследить за ней.

- Это слишком опасно.

Ян выпрямился и расправил плечи.

- Джеки меня ни разу не ударила. Только грозит, и все. А я уже не маленький.

Как-никак, скоро десять.

- Нет.

- Но ты всегда расспрашиваешь меня о том, что случилось, даже если не хочешь мне верить.

Мама выхватила у него футболку и бросила ее на кучу других рубашек.

- Я сказала, нет. - Она сжала его локоть. - Идем, пора домой.

Ян выдернул руку. Не хватало еще, чтобы она тащила его из магазина, как расшалившегося малыша! Насупившись, он побрел за мамой к дверям.

- Я постараюсь вести себя осторожно, - продолжал гнуть свою линию Ян, когда они подошли к машине.

- Нет и еще раз нет, - заявила мама.

- Но я хочу помочь тебе.

– Только не так. Никаких снимков, Ян. И хватит об этом. – Она завела машину. – Твой папа вернется через несколько часов, мне надо приготовить ужин. А тут еще ты решил поиграть в супергероя.

– Не собираюсь я ни в кого играть, – надулся Ян. Он взял свою камеру и начал щелкать затвором. Клик-клик.

– Хватит уже щелкать. Меня это нервирует.

Ян нахмурился и защелкал еще быстрее. Клик-клик. Клик-клик.

Мама ударила по тормозам. Машина дернулась и остановилась, а Ян, не удержавшись, шлепнулся лбом о переднее сиденье.

Выпрямившись, он потер лоб. Начался бейсбольный сезон, и отец редко бывал дома. Наверняка ему захочется узнать, на что способна мама, когда она превращается в Джеки.

– Тогда я поговорю с папой. Может, ему понравится идея с фотографиями?

– Плевать я хотела на твоего папашу.

Яна будто током дернуло. По спине и рукам побежали противные мурашки.

Мама нажала на газ. Машина рванула с места и устремилась вперед, мимо дороги, которая должна была привести их к дому. Он хотел спросить маму, не забыла ли она свернуть, но за рулем уже сидела не мама. Ян видел это по позе, манере держать голову, притопывать ногой. Похоже, все складывалось хуже некуда.

Ладони у Яна вспотели. Идея со снимками показалась вдруг донельзя глупой.

– Куда мы едем? – осмелился спросить он.

Джеки не ответила. Открыв одной рукой сумочку, она принялась рыться в содержимом, пока не нашла резинку для волос. Еще мгновение, и на голове у нее появился высокий хвостик.

– Мам? – окликнул Ян, успевший всей душой возненавидеть имя «Джеки». Может, если он будет повторять «мама», Сара вернется назад?

– Мам? Ма... мам... мам!

– Мам, мам, мам, – передразнила его Джеки. – Хватит уже блеять! Я не твоя мама. Скажи «Джеки».

Ян плотно сжал губы и покачал головой.

– А я говорю, скажи!

Он еще решительней покачал головой, и Джеки ударила по тормозам. Голова у него дернулась так, что даже шее стало больно.

– Ох!

Джеки рванула вперед и снова нажала на тормоз.

– Говори!

Ян угрюмо уставился на нее.

– Я буду делать так снова и снова.

Шея и голова у Яна болели.

– Джеки, – прошептал он.

– Что? Не слышу.

– Джеки.

Сучка, подумал он и тут же устыдился таких мыслей.

– Так-то лучше, – ухмыльнулась Джеки. Мама улыбалась совсем иначе.

Джеки снова рванула вперед. Машина мчалась по узкой дороге все дальше от города.

Ян перевел дыхание и осторожно, стараясь не шуметь, достал свою камеру. Он аккуратно навел ее на Джеки и нажал на спуск. Сверкнула вспышка.

Джеки обернулась.

Ян сделал еще снимок, запечатлев это злое, искаженное гримасой лицо. Джеки отпихнула его. Еще щелчок, еще вспышка.

Выругавшись, Джеки свернула на обочину дороги. Яна резко качнуло, и он вцепился руками в переднюю спинку. Джеки схватила сумочку Сары и вывалила ее содержимое на сиденье. Первым делом она схватилась за кошелек и снова выругалась.

– Одна мелочовка. – Джеки сунула в карман пять долларов и махнула перед лицом Яна карточкой. – Ну что, узнал ПИН-код?

Ян покачал головой.

– Ты обещал, что узнаешь.

А еще он пообещал себе, что защитит свою маму, раз уж отец не смог этого сделать.

– Она мне не скажет.

Хотя бы потому, что он не собирается у нее спрашивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/lonsdeyl_kerri/ne-obeschay-sebya-drugim

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)